

ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ИСТОРИОГРАФИИ – НЕОБЪЯВЛЕННАЯ ДАННОСТЬ¹

В статье рассматривается эволюция историографии и методологии истории медицины от антропологического поворота прошлого века до эпидемиологического поворота современности. История медицины долгое время писалась врачами-«труэнтами». В 1970-е гг. в связи с антропологическим поворотом появляются «новая история медицины» и «медицинская антропология», происходит расширение «профессиональной базы» историков медицины: помимо медиков на эту область исследований стали все больше претендовать в широком смысле «антропологи», в т.ч. археологи, социологи, философы, этнологи, демографы, культурологи, психологи, литературоведы, феминистки и журналистки. Со временем и историки подключились к исследованиям по социальной истории медицины. История эпидемий долгое время рассматривалась как составная часть истории болезней или (еще шире) истории медицины. Но именно антропологическое измерение истории демонстрирует особенности изучения истории эпидемий. Публикации последних двух-трех лет в отечественной историографии свидетельствуют о всплеске интереса к исторической эпидемиологии и формировании в ее русле нескольких пересекающихся тематических полей.

Ключевые слова: История медицины, историческая эпидемиология, антропологический поворот, пандемия, историография и методология

Сегодня как в научной, так и научно-популярной сферах мы можем констатировать «бум» на публикации по эпидемиологической проблематике. Связано это однозначно с COVID-19: представители самых разнообразных общественных наук спешат продемонстрировать свою способность быть реально актуальными в своих исследованиях и откликаться на «запросы общества». Как выразился главный редактор одного солидного международного периодического издания, «темы нам диктует жизнь»². По принципу «территория того, кто первый ее застолбит», представители различных ветвей знания спешат расставить свои флажки на вновь открытых исследовательских полях³.

Историки, не дожидаясь философской концептуализации и объявления «новых исследовательских парадигм», проявили оперативность и подключились к процессу освоения территории⁴. Но ради справедливости следует отметить, что популяризацию проблематики эпидемий начали не ученые, а СМИ. Напуганные люди ищут спасения в достижениях

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00113).

² Чудинов 2021(а): 5-8.

³ Харитоновна 2020.

⁴ С одной стороны, мы имеем дело с произошедшим за последние два десятилетия «историческим поворотом в общественных и гуманитарных науках»: на место структуралистским моделям приходит исторический подход с его вниманием к контексту. С другой стороны, в данном случае речь идет о так называемых «собственно историках» или «практикующих историках». Выборочный обзор предшествующей историографии эпидемий см. в статье: Slack 1992: 1-20.

науки и, одновременно, в опыте прошлого: популярность историков растет, СМИ активно приглашают их поучаствовать в разнообразных мероприятиях популяризаторского характера, где речь идет о том, как пандемии повлияли на историю человечества⁵. Эпидемиологический «поворот» в историографии – сегодняшняя необъявленная данность.

Эпидемии прошлого традиционно рассматривались как составная часть истории медицины или – в более узком смысле – истории болезней. Правда, может показаться, что на протяжении XIX в. и большей части XX в. медицинская история «больше походила на эпос», повествуя о выдающихся врачах, научных открытиях и техническом прогрессе. Этот рожденный в недрах западной историографии «эпический» образ истории медицины XIX и первой половины XX вв. уже, кажется, начал приживаться в сознании и наших исследователей⁶. Это замечание относительно «эпичности» историографии можно, на мой взгляд, отнести лишь к части публикаций, рассчитанных на студентов или широкую публику, в которых излагается история развития медицинских знаний, история деяний и открытий. Но экстраполировать его на всю историографию было бы несправедливо, или же мы тогда будем должны скорректировать свое понимание предмета «истории медицины».

Сегодня часто приходится читать и слышать о произошедшем после Второй мировой войны «повороте» в изучении истории медицины. Исследователи иногда противопоставляют «традиционную историю медицины», и «новую историю медицины» (по аналогии с «новой экономической историей» и т.п.). В самых общих чертах, объясняя это изменение проблематики исследований, пишут о том, что ранее изучали главным образом взгляд на медицинскую историю врача, а теперь стали исследовать взгляд пациента. История медицины/болезней была помещена в широкий социокультурный контекст. В результате антропологизация истории медицины⁷ появились «социальная история медицины» и «медицинская антропология» с соответствующими обществами и специализированными изданиями. Появились они прежде всего в США и Великобритании, и процесс их «отпочкования» от «традиционной истории медицины» происходил не всегда безболезненно⁸. В принципе это направление больше было призвано помочь медикам в преодолении «культурных барьеров» с пациентами, в более глубоком понимании по-

⁵ Бергер, Уваров 2020: 7.

⁶ См.: Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины 2008: 9; Афанасьева 2011: 423. «Традиционная история медицины была сосредоточена на описании биографий известных врачей и развития медицинских институтов и представляла собой хронику прогрессивного движения Запада в борьбе с разнообразными недугами». См.: Афанасьева 2016: 487.

⁷ На антропологизацию истории медицины повлияли идеи М. Мерло-Понти («Феноменология восприятия», 1945), М. Фуко («Рождение клиники. Археология врачебного взгляда», 1963) и др. авторов, которые в неклассической парадигме занялись философским анализом медицины в контексте культуры. См.: Кириленко 2008: 52–59.

⁸ По этому вопросу см.: Михель 2009: 295–312; 2012.

требностей больных, в гуманизации некоторых отраслей медицинской практики. Собственно историкам здесь было не место. Изменению облика традиционной истории медицины соответствовало изменение облика исследователя. Вплоть до 1960-х гг. большинство работ по истории медицины было написано врачами. Историк (в душе) и гинеколог (по образованию) в одном лице – нормальное явление того времени⁹. При этом и обновленной версией истории медицины поначалу занимались преимущественно врачи. Но только поначалу. Стремление преодолеть дисциплинарные границы и обогатить знание междисциплинарным подходом привело к расширению «профессиональной базы» историков медицины. На эту область исследований стали все больше претендовать не только медики, а в широком смысле «антропологи»: среди них мы найдем и археологов, и социологов, и философов, и этнологов, и демографов, и культурологов, и психологов, и литературоведов, и феминисток, а в пост-постмодернистском мире и журналисток¹⁰. При этом повороте «традиционные» историки медицины, врачевания и болезней никуда не исчезли, а продолжали (и продолжают) плодотворно трудиться.

Историки все же со временем подключились к социальной истории медицины. Независимо от «медицинской антропологии» с ее акцентированием личностного опыта на новый уровень вышло осмысление роли эпидемий в истории человечества. В первую очередь интерес к эпидемиям проявили демографы и «цивилизационщики».

1970-е гг. были отмечены в истории эпидемий «поворотом к теории». Абдель Рахим Омран в 1971 г. выступил с теорией «эпидемиологического перехода» через этапы эволюции «структуры смертности»¹¹. В 1976 г. издал книгу «Эпидемии и народы» американский макроисторик Уильям Мак-Нил¹². Его книгу «Эпидемии и народы» сегодня иногда называют хрестоматийной. Но заслуга Мак-Нила состоит в первую очередь в систематизации истории эпидемий и попытке их представить как один из важнейших факторов, определивших ход истории.

В 1970–1980-е гг. появилась «история смерти» (работы Арьеса, Вовеля и Ле Гоффа)¹³. Одновременно с болезнями и смерть стала рассмат-

⁹ Врачей, занимавшихся «не своим делом», с подачи британского хирурга Бёркли Мойнигана с 1936 г. стали называть трузантами (прогульщиками), хотя они отдавали себя искусству, политике, спорту или науке часто без отрыва от врачебной практики. Тысячи врачей прославились своей немедицинской деятельностью. – Зильбер 2013.

¹⁰ Пример – американская журналистка из семьи врачей-эмигрантов из Индии Соня Шах. Этот бакалавр журналистики отметилась научно-популярными (причем более популярными, чем научными) книгами «Лихорадка: Как малярия царствовала на земном шаре 500 тыс. лет» (2010) и «Пандемия: Всемирная история смертельных вирусов» (2016). В последнем случае никакой «всемирной истории» эпидемий в книге нет, она почти полностью посвящена холере и вызванным ею эпидемиям в разные годы в разных городах (в основном в Нью-Йорке): 8 глав из 10.

¹¹ Омран 2019: 177–216.

¹² McNeill 1976; МакНил 2021.

¹³ Арьес 1992; Vovelle 1983; Гуревич 1984: 114. Сегодня за рубежом в рамках антропологии уже существует направление «Death studies», адепты которого изучают

риваться как «один из коренных параметров коллективного сознания», как «компонент картины мира». А. Гуревич расценил это увлечение как явление того же рода, что и мода на изучение болезней, как поворот в сторону изучения социальных ментальностей и народной культуры.

В конкретно-исторических исследованиях антропологизация истории медицины началась с изучения эпидемий XIV в., с которыми по количеству исследований может сравниться разве что история «испанки» начала XX в. Много спорили о хронологии циклов чумы в Европе, о факторах, повлиявших на начало и конец чумной пандемии. И в ходе этих споров уже возник вопрос о необходимости существенной корректировки данных о «жертвах эпидемий»: «Черная смерть ничего не изменила <...> Социально-экономический и культурно-политический ландшафт менялись лишь постепенно»¹⁴. Требование междисциплинарности привело к появлению понятия «патогенный комплекс», соединяющий биологический и социальный аспекты исследования объекта¹⁵.

Антропологизация истории медицины (по крайней мере, какой-то ее части) дала новый толчок исследованиям в этой области¹⁶. Совершенствовалась источниковая база исследований, расширился сам круг источников: стали привлекаться не только письменные, но и материальные, изобразительные, этнографические источники. Все шире используются естественнонаучные методы исследований (биоанализ человеческих остатков и др.). Расширился и круг изучаемых вопросов: от истории гомеопатии и родовспоможения до психиатрии на фронтах Первой мировой войны и медицинских экспериментах нацистов, от истории колониальной медицины до роли стетоскопа и компьютерной томографии, от истории отдельных медико-фармацевтических фирм до мотивов использования «альтернативной медицины» и методов лечения призывников-уклонистов в духе историй бравого солдата Швейка.

С нового ракурса стали смотреть и на историю эпидемий¹⁷. Американский историк П. Болдуин на общеевропейском материале проследил связь теорий патогенеза с различными общественными реакциями и поведенческими паттернами во время холерных эпидемий¹⁸. Схожая отчасти проблематика взаимосвязи этнической принадлежности инфицированных и социальной реакции на эпидемии рассмотрена в книге

мортальные представления. Основные теоретические подходы в изучении мортальных представлений, начиная с ранних эволюционистов и до эпистемиологического кризиса 1970-х гг., рассмотрены в статье С.В. Мохова. См.: Мохов 2016.

¹⁴ Бергер, Уваров 2020: 15.

¹⁵ Прокопенко 2018: 10.

¹⁶ См.: Lane 2001.

¹⁷ Как и в целом в истории медицины, в исследованиях по эпидемиям очерковая научно-популярная тенденция сохранилась. Например, Дж.Н. Хайес, в книге «Эпидемии и пандемии: их влияние на историю человечества» (2005), подтверждая давно уже не требующий подтверждения тезис Мак-Нила о роли эпидемий в истории человечества, предлагает читателю ряд подобранных на свой вкус сюжетов и очерков от Античности до современности. См.: Hayes 2005.

¹⁸ Baldwin 1999.

Х. Маркел «Карантин!». Речь здесь идет об эпидемии сыпного тифа и холеры в 1892 г. в Нью-Йорке, когда подозреваемые в распространении эпидемии еврей-эмигранты из России были изолированы на близлежащих островах. Автор обращает внимание не только на поведение американских врачей и чиновников, но и на восприятие эпидемии глазами самих эмигрантов¹⁹. Новые подходы к статистическим источникам позволили на примере начавшегося в Санкт-Петербурге и распространявшегося по Западной Европе в 1889-1890 гг. «русского гриппа» установить примерную скорость наступления эпидемий: 300 км. в неделю²⁰. Шарлотта Хенце рассмотрела такие вопросы, как влияние эпидемий на общественную модернизацию, распределение власти и ответственности, роль медицинской экспертизы в России XIX в., конфликт и контаминации миазматической, контагиозной и бактериологической теорий, реакцию провинциального общества на кризисные ситуации²¹.

В год открытия COVID-19 вышла в свет книга Марка Хонигсбаума «Век пандемии: сто лет паники, истерии и высокомерия»²², в которой автор рассказывает как о знаменитых, так и малоизвестных пандемиях XX века: от испанского гриппа 1918 г., вспышки легочной чумы в Лос-Анджелесе в 1924 г., пандемии «попугайной лихорадки» 1930 г., до недавних эпидемий атипичной пневмонии, лихорадки Эбола и Зика. И опять-таки помимо истории науки или медицинской социологии мы встречаем в этой книге описания того, как страх перед болезнями часто обостряет расовую, религиозную и этническую напряженность.

В том же году вышла работа почетного профессора истории из Йельского университета Фрэнк М. Сноудена, уже известного книгами по истории эпидемий в Италии: «Покорение малярии: Италия, 1900–1962 гг.» и «Неаполь во время холеры 1884–1911 гг.». Новое исследование Сноудена²³ посвящено проблеме воздействия эпидемий на эволюцию обществ от Черной смерти до наших дней – как болезни изменили искусство, религию, интеллектуальную историю или войну. В этом сравнительном исследовании медицинской и социальной истории эпидемий затрагиваются такие темы, как эволюция медицинской терапии, связь болезней и социального положения, эпидемии и массовая истерия, ставится вопрос о готовности мира к следующему поколению болезней.

В современной российской историографии после упомянутой выше статьи А. Гуревича 1995 г., посвященной изучению «смерти» французскими историками, стали появляться работы как общего характера (по «психическим эпидемиям»²⁴, по «истории тела»²⁵), так и конкретно-

¹⁹ Markel 1999.

²⁰ Valleron 2008.

²¹ Henze 2010.

²² Honigsbaum 2019.

²³ Snowden 2019.

²⁴ Доктор медицины из Брянска И.И. ЩигOLEV обратился к истории кликушества, хлыстовства, различных фобий и психопатологий. См.: ЩигOLEV 2001.

²⁵ Доктор философии из Саратова Д.В. Михель обратился к историко-

исторические исследования (например, о санитарно-гигиенической деградации жилого пространства и распространения эпидемий в годы Гражданской войны на Урале или по истории эпидемий в Поволжье на рубеже XIX-XX вв.)²⁶. Но, пожалуй, знаковой для утверждения антропологического взгляда на изучение болезней в российской историографии стала монография Ю.Е. Арнаутовой²⁷, которая с первых же строк своей книги декларирует различие подходов у историков медицины и «просто историков-медиевистов». Арнаутова констатирует наличие трех аспектов целительных практик: «теургического» (религиозного), «этнографического» и «собственно медицинского». Антропологическое измерение целительных практик Средневековья, по Арнаутовой, состоит в их оценке не с высоты нашего научного мировоззрения, а «изнутри» – со стороны субъективного их восприятия средневековым человеком. Но, пожалуй, самое главное в методологических позициях автора – стремление взглянуть на проблему широко и рассматривать «модель» отношения общества к болезни как составную часть культуры этого общества²⁸. Такой контекстуальный подход, соединяющий в себе принципы историзма и междисциплинарности, породил в середине 2000-х гг. ряд публикаций по «медицинской культуре», авторами которых могли быть и культурологи, и философы, и филологи²⁹.

Между тем, представители медико-биологического знания продолжают в духе традиционной истории медицины создавать «Очерки» истории эпидемий³⁰. Как следует из аннотации к книге М.В. и Н.С. Супотницких «Очерки истории чумы», предлагаемая читателю работа «будет интересна не только профессиональным медикам, эпидемиологам, ученым, специалистам МЧС и организаторам здравоохранения, «в чьи задачи входит противодействие эпидемическим болезням и актам биотеррора», но и более широкой аудитории. Видимо, такие публикации все же рассчитаны в первую очередь на студентов, изучающих историю медицины (как это и было 100-150 лет назад)³¹.

Отечественные историки, с одной стороны, констатируют тенденцию расширительно толковать главную задачу «новой истории медицины», понимая ее как новую возможность «объяснять индивидуальные и коллективные действия людей прошлого через обращение к распространенным представлениям о здоровье, болезни, рождении и смерти»³².

антропологическому анализу анатомических практик на Западе. См.: Михель 2000.

²⁶ Нарский 2001: 255-259; Михель, Михель, Сироткина 2004: 113-139.

²⁷ Арнаутова 2004.

²⁸ Арнаутова 2004: 8.

²⁹ Например: Богданов 2005; Гуляева 2006; Михель 2007: 17-40.

³⁰ Супотницкий, Супотницкая 2006.

³¹ С другой стороны, работы, которые по своей тематике могли бы быть сочтены вполне как «исторические», защищаются как кандидатские диссертации медицинских наук. Например: Складова 2002. Подробный анализ тенденций в современной истории медицины см.: Афанасьева 2016.

³² Афанасьева 2016: 487.

А, с другой стороны, они сетуют, что эта тенденция в большей степени до последнего времени была характерна в первую очередь для зарубежной историографии³³. Проблема отечественной историографии конца XX – начала XXI в. совсем недавно виделась в том, что в постсоветской исторической науке появилось крайне мало новых исследований по истории медицины, а достижения западной историографии, где помимо многостраничных монографий давно уже издаются тематические выпуски специализированных журналов, в массе своей оставались неизвестными или малоизвестными российским читателям³⁴. Что изменилось в этом отношении за последние 10-15 лет, если принять за аксиому тезис, что «в настоящий момент новая история медицины принадлежит к числу наиболее популярных областей исторического знания»³⁵?

Современная историография истории медицины в расширительно-обновленном толковании ее предмета труднообозрима³⁶. Поэтому упомянем лишь некоторые тенденции, направления, сборники и наиболее активно разрабатывающих околоэпидемиологическую проблематику современных исследователей.

У нас наконец-то институализировалась «медицинская антропология» (пусть и с опозданием от Запада на 50 лет). Функционируют Ассоциация медицинских антропологов России (с 2013 г.) и Центр медицинской антропологии ИЭА РАН. С 2011 г. издается журнал «Медицинская антропология и биоэтика», авторы которого, с одной стороны, позиционируются рядом с физической/биологической антропологией, а с другой отдают предпочтение этнологии/этнографии, под которой ими на практике понимается изучение опыта народной медицины³⁷.

Помимо обобщающих очерков по «истории медицины» появились прекрасные примеры того, как можно с привлечением новых архивных документов написать «медицинскую историю», например, Крымской войны, а именно – описать деятельность военной администрации по подготовке и развёртыванию военно-медицинских служб³⁸.

По предложенному Арнаутовой для истории Запада пути пошли исследователи различных медицинских практик России. При этом вновь звучит призыв к взаимному опылению: «Антропологию болезни необходимо рассматривать в контексте не только истории медицины, но прежде всего в контексте истории культуры»³⁹. Это даже не призыв, а констатация свершившегося, но без оценки эффективности проделанного. Историко-культурный подход временами превращается в философско-культурологический, предваряемый сетованиями, что в истори-

³³ Портер 2008: 41-72.

³⁴ Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины 2008: 32.

³⁵ Афанасьева 2016: 487.

³⁶ Реннер 2011; Яковенко 2021: 31-44.

³⁷ Добкин де Риос, Раковски 2012. О состоянии современной медицинской антропологии см.: Харитоновна 2011: 3–10.

³⁸ Наумова 2010.

³⁹ Медведь 2017: 260; Медведь 2018: 222.

ческих исследованиях «по-прежнему мало внимания уделяется вопросам медицины и болезни»⁴⁰.

Помимо контекста «медицинской культуры» или культурно-исторического подхода, эпидемиологическая проблематика успешно развивается под сенью социальной истории⁴¹. Появился ряд работ в той или иной степени затрагивающих проблематику исторической эпидемиологии в рамках социально-экономической истории и исторической демографии. В этом русле исследований иногда акцентируется хорошо уже известная идея о социальной обусловленности эпидемий⁴². Более перспективным представляется синергетический взгляд на эпидемии как на «сложное явление, в котором тесно переплетаются как природно-биологические, так и социальные факторы»: от санитарной культуры населения до материальных условий жизни, от физиологических свойств возбудителя до доступности медицинской помощи⁴³.

Понятно, что сегодня работы, пишущиеся *априори* в междисциплинарном ключе, проблемно классифицировать даже, наверное, самим их авторам. И медицинская/эпидемиологическая проблематика, как параллельная вселенная с иными измерениями, позволяет свободно, не замечая междисциплинарных швов, перетекать мысленно от проблем культуры к вопросам социально-экономической истории, а от них – к интеллектуальной истории⁴⁴. Пример – работы Е.А. Вишленковой, которую интересует широкий спектр вопросов – от медико-биологического объяснения конкретных социальных проблем до концептуализации медицинской географии, от институциональной истории русских врачей первой половины XIX в. до исследования их самосознания⁴⁵.

Еще на излете объявленного антропологического поворота в истории медицины, где-то в 1980-е гг., сложилось новое исследовательское направление – история колониальной медицины. Связано это было даже не столько с антропологизацией истории медицины, сколько с изменениями в области изучения империй: исследовательский интерес сместился от событийной истории к осмыслению факторов жизнестойко-

⁴⁰ Медведева 2013: 10. Ср.: Пироговская 2018.

⁴¹ Например, об эпидемии сыпного тифа в Сибири см.: Познанский 2007.

⁴² Бояркина 2020.

⁴³ Например, основанное на впервые вводимых в научный оборот архивных данных исследование В.А. Исупова, который видит первопричину вспышки и очаг эпидемии сыпного тифа в Сибири в наплыве спецпереселенцев и приходит к выводу, что «вклад болезней и собственно голода в сверхсмертность разделить невозможно». См.: Исупов 2018: 138-150. Ту же идею о влиянии переселения спецконтингента на ухудшение эпидемической ситуации развивают в статье по истории здравоохранения и ликвидации эпидемий на Урале в 1930-е гг. Д.Л. Островкин и М.В. Попов. См.: Островкин, Попов 2018: 109-113.

⁴⁴ См.: Вишленкова, Затравкин 2019: 284-297. Авторы, в какой-то степени продолжая проблематику интересующегося финансовой стороной врачебной помощи А. Дигби, демонстрируют, как рост медицинской культуры пациентов создал новые условия на рынке медицинских услуг. Ср.: Digby 1994.

⁴⁵ Вишленкова 2011 (a): 41-82; 2011(b): 37- 66; 2017: 212-245; 2019: 924-929.

сти империй вообще и имперского сознания, в частности. А поскольку медицина была призвана служить не только практическим, но и символическим целям имперского строительства, она и стала объектом отдельного внимания историков. В этой области нашла лакуну в отечественной историографии А.Э. Афанасьева, занимающаяся как теоретическими вопросами «новой истории медицины», так и вполне частными сюжетами колониальной истории медицины⁴⁶.

Чтобы дополнить картину современного состояния отечественной историографии изучения эпидемий, укажем еще на три недавно увидевших свет издания.

Во-первых, это опередивший «историко-эпидемиологический бум», появившийся в 2018 г., сборник статей «Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде». В традиции, восходящей к Мак-Нилу, редакторы и авторы ведут речь о методиках «междисциплинарного исследования, раскрывающих процессы взаимодействия человека, природы и общества», выясняют влияние фактора пандемий и климатических изменений на общественно-политическое и социокультурное развитие общества⁴⁷. Но при этом они занимаются вполне конкретно-историческими сюжетами – пандемией чумы как фактора государственного кризиса в улусе Джучи (И.Л. Измайлов и Т.Ф. Хайдаров).

Во-вторых, это изданный в ИВИ РАН сборник документов, дающих представление об эпидемической ситуации в Европе XIV–XVI вв. Здесь опубликованы свидетельства современников, большая часть которых впервые переведена на русский язык⁴⁸. Показателен подбор источников (сам по себе акт субъективный и отражающий методологические позиции публикаторов): записки хронистов, летописи монахов, трактаты хирургов, размышления гуманистов, философов, богословов, мемуары священника, – дают возможность не только дополнить фактологические данные об эпидемиях или оценить уровень медицинских знаний, но и получить представления о формировании профессиональной этики врачей, охарактеризовать эмоциональное состояние и поведение населения в условиях эпидемии.

В-третьих, это «Французский ежегодник» за 2021 год, основная тема которого аннотирована как «Эпидемии в истории Франции». Семь статей российских и зарубежных авторов⁴⁹ демонстрируют, с одной стороны, стремление исследователей на конкретно-историческом материале закрасить «белые пятна» в истории эпидемий, а с другой – акцентировать «человеческое измерение» пандемии.

⁴⁶ Афанасьева 2007: 78-81; Afanasyeva 2013: 489-512; Афанасьева 2019: 298-306; Афанасьева 2020: 99-113.

⁴⁷ Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде 2018.

⁴⁸ Казнь Господня. Эпидемии в Европе XIV-XVI вв. 2020.

⁴⁹ Уваров 2021: 9-42; Форрест 2021: 43-62. Чудинов 2021(б): 63-90. Гладышев 2021(а): 91-144. Таньшина 2021: 145-166; Де Болливье, Линькова 2021: 167-180. Наумова, Фалалеев 2021: 181-212. См. также: Гладышев 2021(б).

Наконец, обратим внимание на коллективную монографию исследователей из ИГИТИ им. А.В. Полетаева ВШЭ и Мюнхенского университета Людвиг Максимилиана, посвященную разнообразным аспектам истории медицины: от теоретического осмысления болезней в прошлом до вполне частных вопросов практики борьбы с заболеваниями⁵⁰.

Какие вопросы ставятся в современной истории эпидемий? Сегодня антропологически ориентированных историков больше интересуют не истории тех или иных болезней как таковых, а реакции на них властей и населения. Действующие лица исторической эпидемиологии не только врачи и микробиологи, но и фармацевты, медсестры, священники, администраторы различных уровней и, конечно, народ. Одно из популярных направлений исследований по истории борьбы с эпидемиями и их последствиями – выявление алгоритмов действий властей: от констатации начала эпидемии до принятия соответствующих мер.

Дошедшие до нас решения правительств, протоколы заседаний муниципалитетов или комиссий содержат сведения по коммунально-организационным аспектам контроля над эпидемиями и их социальными последствиями. Какие экстраординарные меры принимались властями, когда эпидемия превышала ожидаемые масштабы (например, введение новых должностей типа «санитарного прево»)? Какова была эволюция механизмов привлечения к работе «эпидемиологического персонала» (замена смертной казни службой в похоронной «чумной команде», снижение профессиональных требований к докторам, сбор средств на оплату врачей, аптекарей и вспомогательного медперсонала и т.п.)? Как решались вопросы о выделении зданий под размещение заразных больных, об организации питания и ухода за больными, как менялись при резком росте смертности похоронные практики (братские могилы, кремация, отказ от отпевания и колокольного звона и т.п.)? Как в целом была организована работа коммунальных служб (вывоз мусора, чистка канализации и т.п.) и снабжение городов в условиях карантина/блокады, как поддерживались общественный порядок и дисциплина (изгнание «лишних ртов»), динамика цен, борьба со спекуляцией в условиях угрозы голода, грабежами, поджогами и т.п.)?

В связи с изучением эпидемиологической политики властей ставятся и вопросы общего порядка. Как власти варьировали политику принуждения и поощрения при борьбе с эпидемиями: с одной стороны, эпидемии являлись поводом для введения различных ограничительных мер, с другой – в условиях паники и социальной дезориентации власти пытались через широкий спектр законодательных инициатив повысить общественную нравственность, напомнить о христианском или общественном долге, сформировать новую концепцию бедности и заботы о бедных. Актуальным остается вопрос о связи эпидемии, бизнеса и политики: как интересы бизнеса или политики влияют на эпидемиологическую

⁵⁰ Афанасьева, Вишленкова, Гатина, Затравкин, Лисицына, Реннер, Яковенко 2021.

обстановку? Как алчность и коррупция ведут к обходу карантинных мер и последствия этого. Каковы пределы в борьбе с эпидемией, на которые могут пойти власти, не разрушив бизнеса? Чем они готовы пожертвовать ради спасения?⁵¹ Как, наконец, эпидемии выявляют структурные недостатки политических режимов и систем администрирования, и чрезвычайная медицинская ситуация перерастает в полнейший хаос.

Опыт, приобретаемый во время эпидемий, привел к существенным изменениям в поведенческих установках и формах их выражения. Вторая группа стоящих перед исторической эпидемиологией задач касается исследования поведения населения. Каково было психологическое воздействие эпидемий на население с учетом особенностей места и времени, какие преобладали типы поведенческих практик (бегство из зараженной местности, выполнение своего долга, самоизоляция и т.п.), какую роль играли разные формы благотворительности в борьбе с эпидемиями? (С этой точки зрения помощь больным со стороны окружающих – свидетельство отношения общества к феномену болезни, маркер культуры общежитности, отношения к ближнему, к человеку страдающему). Как менялось в обыденном сознании отношение к эпидемиям и насколько далеко в этой эволюции мы ушли от наших предков? Как дремлющая культурная память о великих эпидемиях прошлого и первобытные инстинкты выживания возродились в, по выражению А. Форреста, «чумной психологии», каковы механизмы возникновения паники, которая охватывала население? Поиски виновных, охота на «козлов отпущения» – частый и повсеместно встречающийся феномен, но, кто именно и почему становился этой жертвой в атмосфере страха, беспомощности и подозрительности? И порождение паники – слухи об отравителях, волнения и бунты. В какой степени отношение населения к противоэпидемиологическим мерам, предлагаемым властями, является (и является ли?) маркером общего недоверия власти? Какова мотивация «антиваксеров» (религиозная, обыденная, политическая)?

Третья группа вопросов касается взаимодействия и взаимовосприимчивости в треугольнике «медики – власти – население». Это могут быть проблемы профессиональной медицинской этики: и вполне частные (как при дефиците медсестер быть с вспомогательным персоналом, который в условиях блокады города ворует предназначенное больным мясо?), и более концептуальные (на что готовы пойти врачи и, кем конкретно пожертвовать ради спасения остальных). Это может быть тема эволюции медицинских знаний, которая переплетается с изучением представлений о борьбе с болезнями: какова была результативность применяемых некогда «хирургами-цирюльниками» методов борьбы с конкретной эпидемией, как медицинские знания коррелировались с народным врачеванием? Как споры между медицинскими школами осложняли поиски

⁵¹ И 200 лет назад, и сейчас «общество и власти прекрасно осознавали <...> к каким ужасающим последствиям для экономики может привести локдаун». См.: Форрест 2021: 59.

действенных путей для борьбы с заразой? Каков был социальный статус лекарей и, как наставления медиков воспринимались на практике властями (например, военным командованием) и населением?

В-четвертых, эпидемии вынуждали людей пересматривать не только социальные, но и религиозные поведенческие установки. Как эпидемия отразилась на состоянии церкви как социального и политического института? Насколько перед лицом смерти усиливаются религиозно-мистические настроения? Какова была эсхатологическая реакция (религиозная экзальтация) населения на эпидемии? Как проявлялись религиозные приоритеты при уходе за больными? Как святые «покровители» превращались в «защитников»? Какие появились новые формы почитания святых и как эпидемии подталкивали людей к осознанию, что они сами ответственны за свое спасение? Как эволюционировали представления об «избирательности» болезней: эпидемии – кара Божья, но пощадит ли она добродетельных или существует коллективная ответственность за грехи? Как в этой связи в условиях видимой неэффективности лечения приходилось искать новые и, с точки зрения современников, по своему «рациональные» стратегии? Как церковная терапия и терапия магическая сосуществовали в прошлом и сосуществуют сейчас с научной медициной? Как воспринимались эпидемии в различных религиях?

Наконец, еще одно направление исследований – эпидемии и войны/революции. В его рамках как аккумулируются выше обозначенные вопросы, так и ставятся оригинальные задачи. Речь в данном случае идет не только о соотношении боевых и не боевых потерь, но и о наложении в сознании людей эффектов стрессовых ситуаций. Как эпидемии влияли на боевые качества и моральные установки солдат (на их боевой дух), а также на образ войны в общественном сознании?

Перефразируя высказывание А. Гуревича относительно изучения историками смерти, можно сказать, что восприятие и переживание людьми эпидемии – неотрывный ингредиент социально-культурной системы, и наши установки в отношении этого биологического феномена обусловлены сложным комплексом социальных, экономических, демографических (добавим – политических) отношений, преломленных общественной психологией, идеологией, религией и культурой⁵².

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ариес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Изд. группа «Прогресс» - «Прогресс-Академия», 1992 [Aries F. Chelovek pered licom smerti. M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress» - «Progress-Akademiya», 1992].
- Арнаутова Ю.Е. Колдунь и святые: Антропология болезни в Средние века. СПб.: Алетейя, 2004. [Arnautova Yu.E. Kolduny i svyatye: Antropologiya bolezni v Srednie veka. SPb.: Aletejya, 2004.].
- Афанасьева А.Э. Тело, медицина и культура: «антропологические» ракурсы новой культурной истории // Науки о культуре в новом тысячелетии. М.; Яр.: ЯГПУ, 2007. С. 78-81. [Afanas'eva A.E. Telo, medicina i kul'tura: «antropologicheskie» rakursy novoj kul'turnoj istorii // Nauki o kul'ture v novom tysyacheletii. M.; Yar.: YaGPU, 2007. S. 78-81.].

⁵² Гуревич 1984: 133.

- Афанасьева А.Э. История медицины как междисциплинарное исследовательское поле // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы: Сборник статей / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Librokom, 2011. С. 419-437. [Afanas'eva A.E. Istoriya mediciny kak mezhdisciplinarnoe issledovatel'skoe pole // Istoricheskaya nauka segodnya: teorii, metody, perspektivy: Sbornik statej / Pod red. L.P. Repinoj. M.: Librokom, 2011. S. 419-437].
- Афанасьева А.Э. Новая история медицины в начале XXI века: основные тенденции развития // Преподаватель в XXI веке. 2016. С. 486-499 [Afanas'eva A.E. Novaya istoriya mediciny v nachale XXI veka: osnovnyye tendencii razvitiya // Prepodavatel' v XXI veke. 2016. S. 486-499].
- Афанасьева А.Э. «Инструмент империи»? Медицина в европейской колониальной истории // Диалог со временем. 2019. № 69. С. 298-306 [Afanas'eva A.E. «Instrument imperii»? Medicina v evropejskoj kolonial'noj istorii // Dialog so vremenem. 2019. № 69. S. 298-306].
- Афанасьева А.Э. Исследовательская программа и проблемное поле «новой истории медицины» в начале XXI века // Профессия – историк. Вып. 1. М.: Аквилон, 2020. С. 99–113 [Afanas'eva A.E. Issledovatel'skaya programma i problemnoe pole «novoj istorii mediciny» v nachale XXI veka // Professiya – istorik. Vyp. 1. M.: Akvilon, 2020. S. 99–113].
- Афанасьева А.Э., Вишленкова Е.А., Гатина З.С., Затравкин С.Н., Лисицына Е.А., Реннер А., Яковенко В.А. История медицины и медицинской географии в Российской империи / Ред. Е.А. Вишленкова, А. Реннер. М.: Шико, 2021 [Afanaseva A.E., Vishlenkova E.A., Gatina Z.S., Zatravkin S.N., Lisicya E.A., Renner A., Yakovenko V.A. Istoriya mediciny i medicinskoj geografii v Rossijskoj imperii / Red. E.A. Vishlenkova, A. Renner. M.: Shiko, 2021].
- Бергер Е.Е., Уваров П.Ю. Болезни, грехи и врачи // Казнь Господня. Эпидемии в Европе XIV–XVI вв. Сб. док / под ред. Е.Е. Бергер, П.Ю. Уварова. Приложение к журналу Средние века. Вып. 11. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 7–23 [Berger E.E., Uvarov P.Yu. Bolezni, grekhi i vrachi // Kazn' Gospodnya. Epidemii v Evrope XIV–XVI vv. Sbornik dokumentov / pod red. E.E. Berger, P.Yu. Uvarova. Prilozhenie k zhurnalu Srednie veka. Vyp. 11. M.: IVI RAN, 2020. S. 7–23].
- Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М.: ОГИ, 2005. [Bogdanov K.A. Vrachy, pacienty, chitateli: Patograficheskie teksty russkoj kultury XVIII–XIX vekov. M.: OGI, 2005].
- Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины / Под ред. Ю. Шлюмба, М. Хагнера, И. Сироткиной. СПб.: Алетейя, 2008. [Bolezni i zdorov'e: novye podhody k istorii mediciny / Red. Yu. Shlyumbom, M. Hagner, I. Sirotkina. SPb.: Evropejskij universitet v SPb., 2008.].
- Бояркина С.И. Социальное структурирование эпидемического (не)благополучия в истории западноевропейских обществ XIV–XX веков // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. N 2(20). [Boyarkina S.I. Social'noe strukturirovanie epidemicheskogo (ne)blagopoluchiya v istorii zapadnoevropejskih obshchestv XIV–XX vekov // Medicinskaya antropologiya i bioetika. 2020. N 2(20).].
- Вишленкова Е.А., Затравкин С.Н. Врачебный текст в свете интеллектуальной истории: Ковно, 1827 год // Диалог со временем. 2019. Вып. 69. С. 284-297. [Vishlenkova E.A., Zatravkin S.N. Vrachebnyj tekst v svete intellektual'noj istorii: Kovno, 1827 god // Dialog so vremenem. 2019. Vyp. 69. S. 284-297.].
- Вишленкова Е.А. «Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный»: самознание врача как просветителя российского государства (первая половина XIX века) // Ab Imperio. 2011 (a). № 2. С. 41–82. [Vishlenkova E.A. «Vypolnyaya vrachebnye obyazannosti, ya postig duh narodnyj»: samoznanie vracha kak prosvetitelja Rossijskogo gosudarstva (pervaya polovina XIX veka) // Ab Imperio. 2011 (a). № 2. S. 41–82.].
- Вишленкова Е.А. Медико-биологические объяснения социальных проблем России (вторая треть XIX века) // История и историческая память: сб. ст. / Под ред. А.В. Гладышева. 2011 (b). Вып. 4. С. 37–66. [Vishlenkova E.A. Mediko-biologicheskie ob'yasneniya social'nyh problem Rossii (vtoraya tret' XIX veka) // Istoriya i istoricheskaya pamyat': sb. st. / Pod red. A.V. Gladysheva. 2011 (b). Vyp. 4. S. 37–66.].
- Вишленкова Е.А. Время хаоса или время строительства?: Организация российской медицины в начале XIX века // Профессия - историк. М.: Аквилон, 2017. С. 212-245. [Vishlenkova E.A. Vremya haosa ili vremya stroitel'stva?: Organizaciya Rossijskoj mediciny v nachale XIX veka // Professiya - istorik. M.: Akvilon, 2017. S. 212-245.].

- Вишленкова Е.А. Историческое исследование медицинской географии в России // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2019. Т. 27. № 5. С. 924-929 [Vishlenkova E.A. Istoricheskoe issledovanie medicinskoj geografii v Rossii // Problemy social'noj gigieny, zdravoohraneniya i istorii mediciny. 2019. T. 27. № 5. S. 924-929].
- Гладышев А.В. Прошальный «дар» Великой армии: эпидемия тифа в Европе 1813–1814 гг. // Французский ежегодник 2021: Эпидемии в истории Франции. Т. 54. М.: ИВИ РАН, 2021 (а). С. 91–144. [Gladyshev A.V. Proshchal'nuy «dar» Velikoj armii: epidemiya tifa v Evrope 1813–1814 gg. // Francuzskij ezhegodnik 2021: Epidemii v istorii Francii. T. 54. M.: IVI RAN, 2021 (a). S. 91–144.].
- Гладышев А.В. Чума в Египте 1834–1835 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021 (b). Т. 12. Вып. 7 (105) [Gladyshev A.V. Chuma v Egipte 1834-1835 gg. // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «istoriya». 2021 (b). T. 12. Vyp. 7 (105)].
- Гуляева Е.Ш. Развитие древнерусской медицинской культуры: Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Волгоград, 2006. [Gulyaeva E.Sh. Razvitiye drevnerusskoj medicinskoj kul'tury: Avtoref. diss. na soisk. uch. st. kand. ist. nauk. Volgograd, 2006.].
- Гуревич А.Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей. М., 1984. С. 114–135. [Gurevich A.Ya. Smert' kak problema istoricheskoy antropologii: o novom napravlenii v zarubezhnoj istoriografii // Odissey. M., 1984. S. 114-135.].
- Де Болливье М., Линькова Е.В. Холера во французской армии в Крыму 1854–1855 гг. // Французский ежегодник 2021: Эпидемии в истории Франции. Т. 54. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 167–180. [De Bolliv'e M., Lin'kova E.V. Holera vo francuzskoj armii v Krymu 1854–1855 gg. // Francuzskij ezhegodnik 2021: Epidemii v istorii Francii. T. 54. M.: IVI RAN, 2021. S. 167-180.].
- Добкин де Риос М., Раковски Т. Медицинская антропология как научное направление в России и на Западе // Медицинская антропология и биоэтика. 2012. № 1 (3). [Dobkin de Rios M., Rakovski T. Medicinskaya antropologiya kak nauchnoe napravlenie v Rossii i na Zapade // Medicinskaya antropologiya i bioetika. 2012. № 1 (3).].
- Зильбер А.П. Врачи-труэнты: Очерки о врачах, прославившихся вне медицины. СПб.: Арка, 2013. [Zil'ber A.P. Vrachy-truenty: Ocherki o vrachah, proslavivshihsiya vne mediciny. SPb.: Arka, 2013.].
- Исупов В.А. Социальные и природные факторы демографической катастрофы в Западной Сибири (начало 1930-х гг.) // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 138–150. [Isupov V.A. Social'nye i prirodnye faktory demograficheskoy katastrofy v Zapadnoj Sibiri (nachalo 1930-h gg.) // Istoricheskij kur'er. 2018. № 1. S. 138–150.].
- Казнь Господня. Эпидемии в Европе XIV–XVI вв. Сборник документов / под ред. Е.Е. Бергер, П.Ю. Уварова. Приложение к журналу Средние века. Вып. 11. М.: ИВИ РАН, 2020. [Kazn' Gospodnya. Epidemii v Evrope XIV-XVI vv. Sbornik dokumentov / pod red. E.E. Berger, P.Yu. Uvarova. Prilozhenie k zhurnalu Srednie veka. Vyp. 11. M.: IVI RAN, 2020.].
- Кацнельбоген А.Г. Общественная медицина в России (вторая половина XVIII – начало XIX веков. Волгоград : «Переме́на», 1994. [Kacnel'bogen A.G. Obshchestvennaya medicina v Rossii (vtoraya polovina XVIII – nachalo XIX vekov. Volgograd : «Peremena», 1994.].
- Кириленко Е.И. Тема медицины в гуманитарном дискурсе // Вестник Томского государственного ун-та. 2008. № 316. С. 52–59 [Kirilenko E.I. Tema mediciny v gumanitarnom diskurse // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 316. S. 52–59.].
- МакНил У. Эпидемии и Народы. СПб.: Изд-во Университета Дмитрия Пожарского, 2021. [MakNil U. Epidemii i Narody. SPb.: Izd-vo Universiteta Dmitriya Pozharskogo, 2021.].
- Медведева Л.М. Болезнь в культуре и культура болезни. Волгоград: Изд. ВолГМУ, 2013 [Medvedeva L.M. Bolezni v kul'ture i kul'tura bolezni. Volgograd: Izd-vo VolgGMU, 2013].
- Медведь А.Н. Болезнь и больные в Древней Руси: от «рудомета» до «дохтура». Взгляд с позиций исторической антропологии. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2017. [Medved' A.N. Bolezni i bol'nye v Drevnej Rusi: ot «rudometa» do «dohtura». Vzglyad s pozicij istoricheskoy antropologii. SPb.: «Izdatel'stvo Olega Abyshko», 2017.].
- Медведь А.Н. Эпидемии XIV–XV вв. в церковной литературе и жизни православной Церкви // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.). Сборник научных статей. Казань: Институт истории им.

- Ш. Марджани АН РТ, 2018. [Medved' A.N. Epidemii XIV–XV vv. v cerkovnoj literature i zhizni pravoslavnoj Cerkvi // Epidemii i prirodnye kataklizmy v Zolotoj Orde i na sopredel'nyh territorijah (XIII–XVI vv.). Sbornik nauchnyh statej. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2018.]
- Михель Д., Михель И., Сироткина И. Медицина против эпидемий в Поволжье: социально-исторический контекст (1890–1925) // Вестник Евразии. 2004. № 3. С. 113–139. [Miheľ' D., Miheľ' I., Sirotkina I. Medicina protiv epidemij v Povolzh'e: social'no-istoricheskij kontekst (1890–1925) // Vestnik Evrazii. 2004. № 3. S. 113–139.]
- Михель Д.В. Воплощенный человек. Западная культура, медицинский контроль и тело. Саратов: Изж-во СГУ, 2000. [Miheľ' D.V. Voploshchennyj chelovek. Zapadnaya kul'tura, medicinskij kontrol' i telo. Saratov: Izzh-vo SGU, 2000.]
- Михель Д.В. Оспа в контексте истории // Логос. 2007. № 6 (63). С. 17–40. [Miheľ' D.V. Ospa v kontekste istorii // Logos. 2007. № 6 (63). S. 17–40.]
- Михель Д.В. Социальная история медицины: становление и проблематика // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 3. С. 295–312. [Miheľ' D.V. Social'naya istoriya mediciny: stanovlenie i problematika // Zhurnal issledovanij social'noj politiki. 2009. T. 7. № 3. S. 295–312.]
- Михель Д. Хэзел Вейдман и возникновение медицинской антропологии в США (к пятидесятилетию образования Общества медицинской антропологии) // Медицинская антропология и биоэтика. 2012. № 2 (4). [Miheľ' D. Hezel Vejdman i vzniknovenie medicinskoj antropologii v SShA (k pyatidesyatiletiju obrazovaniya Obschestva medicinskoj antropologii) // Medicinskaya antropologiya i bioetika. 2012. № 2 (4).]
- Мохов С.В. Смерть как проблема исследования в социальной и исторической антропологии: генезис идей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 3 (86) [Mohov S.V. Smert' kak problema issledovaniya v social'noj i istoricheskoy antropologii: genезis idej // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2016. T. XIX. № 3 (86).]
- Нарский И.В. Канализация хаоса и хаос в канализации: санитарно-гигиеническое состояние уральских городов в 1917–1922 гг. // Человек и война (Война как явление культуры). Сб. статей / Под ред. И.В. Нарского, О.Ю. Никоновой. М.: АИРО-XX, 2001. С. 255–259 [Narskij I.V. Kanalizacija haosa i haos v kanalizacii: sanitarno-gigienicheskoe sostoyanie ural'skih gorodov v 1917–1922 gg. // Chelovek i vojna (Vojna kak yavlenie kul'tury). Sb. statej / Pod red. I.V. Narskogo, O.Yu. Nikonovoj. M.: AIRO-XX, 2001. S. 255–259.]
- Наумова Н.Н., Фалалеев П.И. Пандемия COVID-19 и ее влияние на политическую ситуацию во Франции (весна лето 2020 г.). // Французский ежегодник 2021: Эпидемии в истории Франции. Т. 54. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 181–212 [Naumova N.N., Falalееv P.I. Pandemiya COVID-19 i ee vliyanie na politicheskuyu situaciyu vo Francii (vesna leto 2020 g.). // Francuzskij ezhegodnik 2021: Epidemii v istorii Francii. T. 54. M., 2021. S. 181–212.]
- Наумова Ю.А. Ранение, болезнь и смерть: Русская медицинская служба в Крымскую войну 1853–1856 гг. М., 2010. [Naumova Yu.A. Ranenie, bolezni i smert': Russkaya medicinskaya sluzhba v Krymskuyu vojnu 1853–1856 gg. M., 2010.]
- Омран А.Р. Теория демографического перехода: взгляд 30 лет спустя // Демографическое обозрение. 2019. № 1. С. 177–216. [Omran A.R. Teoriya epidemiologicheskogo perekhoda: vzglyad 30 let spustya // Demograficheskoe obozrenie. 2019. № 1. S. 177–216.]
- Островкин Д.Л., Попов М.В. Эпидемическое состояние уральского региона и борьба с эпидемиями на Урале в 1930-е годы // Вестник Удмуртского ун-та. 2018. Сер. «История и филология». Т. 28. Вып. 1. С. 109–113. [Ostrovkin D.L., Popov M.V. Epidemicheskoe sostoyanie ural'skogo regiona i bor'ba s epidemiyami na Urале v 1930-e gody // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2018. Seriya «Istoriya i filologiya». T. 28. Vyp. 1. S. 109–113.]
- Пироговская М. Миазмы, симптомы, улики: запахи между медициной и моралью в русской культуре второй половины XIX века. СПб., 2018. [Pirogovskaya M. Miazmy, simptomty, uliki: zapahi mezhdru medicinoj i moral'yu v russkoj kul'ture vtoroj poloviny XIX veka. SPb., 2018.]
- Познанский В.С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30-е годы XX в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007 [Poznanskij V.S. Social'nye kataklizmy v Sibiri: golod i epidemii v 20–30-e gody XX v. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2007.]
- Портер Р. Взгляд пациента. История медицины “снизу” // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины / Ред. Ю. Шлломбом, М. Хагнер, И. Сироткина. СПб.,

2008. С. 41-72. [Porter R. Vzgl'yad pacienta. Istoriya mediciny «snizu» // *Bolezn' i zdorov'e: Novye podhody k istorii mediciny*. SPb., 2008. S. 41-72.]
- Прокopenko С.А. «Чёрная смерть» в историографии: общая характеристика // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.). Сборник научных статей. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. [Prokopenko S.A. «Chyornaya smert'» v istoriografii: obshchaya karakteristika // *Epideмии i prirodnye kataklizmy v Zolotoj Orde i na sopredel'nyh territoriyah (XIII–XVI vv.)*. Sbornik nauchnyh statej. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2018.]
- Реннер А. Исследования по истории медицины XVIII - XIX веков на Западе: новые подходы и перспективы // Медицина России в годы войны и мира. Новые документы и исследования / Отв. ред. и сост. Л.А. Булгакова. СПб.: Нестор - История, 2011. [Renner A. Issledovaniya po istorii mediciny XVIII - XIX vekov na Zapade: novye podhody i perspektivy // *Medicina Rossii v gody vojny i mira. Novye dokumenty i issledovaniya / Otv. red. i sost. L.A. Bulgakova*. SPb.: Nestor - Istoriya, 2011.]
- Склярова Е.К. Становление системы общественного здравоохранения в Великобритании (конец XVIII в. - 1854 г.): Дисс. ... канд. мед. наук. Ростов-на-Дону, 2002 [Sklyarova E.K. Stanovlenie sistemy obshchestvennogo zdravooohraneniya v Velikobritanii (konec XVIII v.–1854 g.): Diss. ... kand. med. nauk. Rostov-na-Donu, 2002.]
- Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы. В 2-х т. Т. 1. Чума добактериологического периода. М.: Вузовская книга, 2006. [Supotnickij M.V., Supotnickaya N.S. Oчерки istorii chumy. V 2-x t. T. 1. Chuma dobakteriologicheskogo perioda. M.: Vuzovskaya kniga, 2006.]
- Таньшина Н.П. Эпидемия холеры 1832 г. в Париже // Французский ежегодник 2021: Эпидемии в истории Франции. Т. 54. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 145-166. [Tan'shina N.P. Epidemii holery 1832 g. v Parizhe // *Francuzskij ezhegodnik 2021: Epidemii v istorii Francii*. Т. 54. М.: IVI RAN, 2021. С. 145-166.]
- Уваров П.Ю. Чума 1580-х годов во Франции: взгляд из столицы и взгляд из провинции // Французский ежегодник 2021: Эпидемии в истории Франции. Т. 54. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 9-42. [Uvarov P.Yu. Chuma 1580-h godov vo Francii: vzglyad iz stolicy i vzglyad iz provincii // *Francuzskij ezhegodnik 2021: Epidemii v istorii Francii*. Т. 54. М.: IVI RAN, 2021. С. 9-42.]
- Форрест А. Пережить эпидемию: опыт великой марсельской чумы 1720 года // Французский Ежегодник. 2021. Эпидемии в истории Франции. Т. 54. М.: РОСПЭН, 2021. С. 43–62. [Forrest A. Perezhit' epidemiyu: opyt velikoj marsel'skoj chumy 1720 goda // *Francuzskij Ezhegodnik*. 2021. М.: ROSPEN, 2021. S. 43–62.]
- Харитонов В.И. Медицинская антропология на Западе и в России // Этнографическое обозрение. 2011. № 3. С. 3–10. [Haritonova V.I. Medicinskaya antropologiya na Zapade i v Rossii // *Etnograficheskoe obozrenie*. 2011. № 3. S. 3–10.]
- Харитонов В.И. COVID-19: новая тема медицинской антропологии // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. N 1 (19). С. 5–27 [Haritonova V.I. COVID-19: novaya tema medicinskoj antropologii // *Medicinskaya antropologiya i bioetika*. 2020. № 1 (19). S. 5–27.]
- Чудинов А.В. Чума в Восточной армии Наполеона 1798–1801 гг. // Французский ежегодник 2021: Эпидемии в истории Франции. Т. 54. М.: ИВИ РАН, 2021 (а). С. 63-90. [Chudinov A.V. Chuma v Vostochnoj armii Bonaparta 1798–1801 gg. // *Francuzskij ezhegodnik 2021: Epidemii v istorii Francii*. Т. 54. М.: IVI RAN, 2021 (а). С. 63-90.]
- Чудинов А.В. Темы нам диктует жизнь // Французский ежегодник 2021: Эпидемии в истории Франции. М., 2021 (b). С. 5-8. [Chudinov A.V. Temy nam diktueta zhizn' // *Francuzskij ezhegodnik 2021: Epidemii v istorii Francii*. М., 2021 (b). S. 5-8.]
- Щиголов И.И. Психические эпидемии в России. Брянск: Изд-во БГУ, 2001. [Shchigolev I.I. Psichicheskie epidemii v Rossii. Bryansk: Izd-vo BGU, 2001.]
- Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.). Сборник научных статей. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. [Epidemii i prirodnye kataklizmy v Zolotoj Orde i na sopredel'nyh territoriyah (XIII–XVI vv.)]. Sbornik nauchnyh statej. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2018.]
- Яковенко В.А. История советской медицины: обзор новейших исследований // Cahiers du Monde Russe. 2021. Т. 62. № 4. Р. 31–44. [Yakovenko V.A. Istoriya sovetskoj mediciny: obzor novejshih issledovanij // *Cahiers du Monde Russe*. 2021. Т. 62. № 4. S. 31–44.]

- Afanasyeva A. Quarantines and Copper Amulets: the Struggle against Cholera in the Kazakh Steppe in the Nineteenth Century // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. 2013. Vol. 61. №. 4. P. 489-512.
- Baldwin P. Contagion and the State in Europe, 1830–1930. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Digby A. Making a Medical Living: Doctors and Patients in the English Market for Medicine, 1720–1911. Cambridge, 1994.
- Hayes J.N. Epidemics and Pandemics: Their Impacts on Human History. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 2005.
- Henze Ch.E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia Life and Death on the Volga, 1823-1914. London: Routledge, 2010.
- Honigsbaum M. The Pandemic Century: One Hundred Years of Panic, Hysteria, and Hubris. New York: W.W. Norton, 2019.
- Disease, Medicine and Empire: Perspectives on Western Medicine and the Experience of European Expansion / Eds. R. MacLeod, M. Lewis. London: Routledge, 1988.
- Lane J. A Social History of Medicine. Health, Healing and Disease in England, 1750–1950. London, New York: Routledge, 2001.
- Markel H. Quarantine!: East European Jewish Immigrants and the New York City Epidemics of 1892. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1999.
- McNeill W.H. Plagues and Peoples. New York: Doubleday, 1976;
- Slack P. Introduction // *Epidemics and Ideas: Essays on the Historical Perception of Pestilence* / Eds. T. Ranger, P. Slack. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 1–20.
- Snowden F.M. Epidemics and Society: From the Black Death to the Present. New Haven, CT: Yale University Press, 2019.
- Starr P. Medicine, Economy and Society in Nineteenth Century America // *Journal of Social History*. 1977. №. 10. P. 588–607.
- Valleron A.J. Historical Analysis of the 1889–1890 Pandemic in Europe // *International Journal of Infectious Diseases*. 2008. T. 12. Supplement 1.
- Vovelle M. La mort et l'Occident de 1300 a nos jours. Paris: Gallimard, 1983.

Гладышев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского; Gladav2002@mail.ru

The Epidemiological Turn in Historiography is an Undeclared Given

The article examines the evolution of historiography and methodology of the history of medicine from the anthropological turn of the last century to the epidemiological turn of the present. For a long time, the history of medicine has been written by «truant» doctors. In the 1970s, due to the anthropological turn, the "new history of medicine" and "medical anthropology" appeared. The "professional base" of medical historians was expanding: in addition to physicians, "anthropologists", including archaeologists, sociologists, philosophers, ethnologists, demographers, culturologists, psychologists, literary scholars, feminists and journalists began to apply for this field of research. Over time, historians also joined in research on the social history of medicine. The history of epidemics has long been regarded as an integral part of the history of diseases or (even more broadly) the history of medicine. But it is precisely the anthropological dimension of history that demonstrates the peculiarities of studying the history of epidemics. The publications of the last two or three years in Russian historiography indicate an outbreak of interest in historical epidemiology and the formation of several intersecting thematic fields in its mainstream.

Keywords: *history of medicine, historical epidemiology, anthropological turn, pandemic, historiography and methodology.*

Andrey Gladyshev, Dr. Sc. (History), Professor at Department of Modern History, Chernyshevsky Saratov State University; Gladav2002@mail.ru